

Мануйловская реформа орфографии

Виктор ЧУМАКОВ

Глава Временного правительства князь Георгий Евгеньевич Львов в созданном им 1 марта 1917 года Временном правительстве министром просвещения назначил Александра Аполлоновича Мануйлова — своего ровесника (они оба были с памятного 1861 года), выходца из одного профессионального «цеха» (оба — выпускники юридических факультетов). Правда, Мануйлов получил свой диплом в Новороссийском университете в Одессе, а князь Львов — в Московском. Но впоследствии Александр Аполлонович стал не только уважаемым профессором университета Первопрестольной, но и его ректором. Князь же Львов посвятил себя земской, хозяйственной и политической деятельности. Само собой, ректорство в университете — это в определённой степени деятельность политическая, которой Мануйлов не чурался, будучи с 1905 года членом Конституционно-демократической партии (кадетов), и даже едва не попал в состав её ЦК. Вот и стали два 46-летних интеллектуала трудиться в одном кабинете министров.

Мануйлов поддержал проект государственного страхования учащихся вузов, который, правда, не был доведён до конца. Циркуляром от 15 апреля он предоставил факультетам вузов право самостоятельно устанавливать способы замещения вакантных должностей. В мае ректорам вузов было предложено уволить с профессорских должностей всех лиц, назначенных после 27 августа 1905 года без представления факультетов и советов. Практика назначения профессоров вместо выборов особенно широко применялась при министре Кассо, к которому Мануйлов никаких симпатий не испытывал.

Прогрессивными были циркуляры, отменявшие исключение из гимназий и реальных училищ без права поступления в другие учебные заведения и предоставлявшие женщинам право свободно поступать в вузы.

Вне сомнения, однако, и тогда (и в наше время) реформа орфографии, затеянная по инициативе Академии наук и её Особого совещания под председательством уважаемого академика А.А. Шахматова, оценивалась как несвоевременная и негативная в условиях продолжавшейся Первой мировой войны и революционного движения. Проводником в жизнь этого мероприятия, которое вынашивалось Академией с 1904 года, было избрано Министерство просвещения с согласия министра. В итоге «Постановления совещания по вопросу об упрощении русского правописания, принятыя 11 мая 1917 г.» (старая орфография частично сохранена), были как циркуляр министерства опубликованы в Журнале Министерства Народного Просвещения с припиской, что Особое совещание «признало вполне своевременным и целесообразным произвести в русском правописании упрощения и предложило вам (т.е. учебным округам России. — В.Ч.) принять меры к осуществлению намеченной названным совещанием реформы безотлагательно, с начала будущего учебного года».

Приводим «Постановления», которые, кажется, в той редакции (май 1917 года) в советские и постсоветские времена ни разу не были опубликованы.

«1. Исключить букву h* с последовательною заменою ея через е (колѣно, вера, семя, в избе, кроме).

* В связи с невозможностью отображения некоторых гарнитур в электронной версии журнала здесь и далее

вместо	следует читать	название буквы
h	ѣ	ять
f	ѳ	фита
v	ѵ	ижица

прим. сост. эл. версии

2. Исключить букву f с заменой ея через **ф** (Фома, Афанасий, фимиам, кафедра).
3. Исключить букву ѣ в конце слов и частей сложных слов (хлеб, посол, меч; пять куч, контр-адмирал), но сохранить её в середине слов в значении отделительного знака (съёмка, разъяснять, адъютант).
4. Исключить букву i с заменой ея через **и** (учение, Россия, пиявка, Иоанн, высокий).
5. Признать желательным, но необязательным употребление буквы ё (нёс, вёл, всё).
6. Писать приставки **из, воз, вз, раз, роз, низ, без, чрез, через** перед гласными и звонкими согласными с **з**, но заменять букву з буквой **с** перед глухими согласными, в том числе и перед **с** (извините, воззвание, разумно, взыскать, низвергать, безвольный, чрезвычайно, — исправить, воспитать, всхожие семена, расстаться, роспись, ниспосланный, бесполезно, чересполосица, чересседельник).
7. Писать в род. пад. прилагательных, причастий и местоимений — **ого**, — **его** вместо — **аго**, — **яго** (доброго, пятого, которого, синего, свежего).
8. Писать в имен. и вин. пад. множ. ч. женск. и средн. рода прилагательных, причастий и местоимений — **ые**, — **ие** вместо — **ья**, — **ия** (добрые, старые, синие, какие).
9. Писать **они** вместо **онѣ** в имен. пад. множ. ч. женск. рода.
10. Писать в женском роде **одни, одних, одним, одними** вместо **однѣ, однѣх, однѣм, однѣми**.
11. Писать в род. пад. ед. ч. местоимения личного женск. р. **ее** (или **её**) вместо **ея**.
12. При переносе слов ограничиваться следующими правилами: согласная (одна или последняя в группе согласных) непосредственно перед гласной не должна быть отделяема от этой гласной. Равным образом группа согласных в начале слов не отделяется от гласной. Буква **й** перед гласной не должна быть отделяема от предшествующей гласной. Также конечная согласная, конечное **й** и группа согласных в конце слов не могут быть отделены от предшествующей гласной. При переносе слов, имеющих приставки, нельзя переносить в следующую строку согласную в конце приставки, если эта согласная находится перед согласной, напр., надлежит делить *под-ходить*, а не *по-дходить*, *раз-вязать*, а не *ра-звязать*.
13. Допустить слитное и раздельное написание в наречиях, составленных из сложения существительных, прилагательных и числительных с предлогами (*встороне* и *в стороне*, *втечение* и *в течение*, *сверху* и *с верху*, *вдвое* и *в двое*).

Вот и всё. Каких-то две странички текста — результат 13 лет работы. Однако не было бы и этого, если бы не... (цитируем знаменитого лингвиста Д.Н. Ушакова): «Видную роль в новом возбуждении общественного внимания к вопросу о реформе и в самом ея осуществлении, несомненно, сыграл всероссийский съезд преподавателей русскаго языка и словесности 1916—1917 гг. (т.е. в зимние каникулы, в разгар войны и предреволюционного кризиса. — В.Ч.), на который ссылается и министерский циркуляр. Этот съезд признал «скорейшую реформу правописания в том направлении, какое она получила в трудах орфографической комиссии при Академии наук, настоятельно необходимой в интересах русской школы и всей русской культуры», и постановил возбудить соответствующие ходатайства перед академией, министерством и комиссией по народному образованию в Государственной думе».

Сейчас слишком поздно рассуждать, насколько представительным был съезд педагогов военного времени и обсуждалось ли на нём детально содержание орфографической реформы. Только провал этой реформы, которую публика нарекла «Мануйловской», был оглушительный. Отношение к ней можно охарактеризовать одним словом — саботаж.

Даже Журнал Министерства народного просвещения проигнорировал циркуляр родного министерства и не перешёл на новую орфографию, которую якобы так давно все ждали. Во всяком случае последний, декабрьский 1917 года номер Журнала, в котором уже работали большевики и появились имена В.И. Ленина и А.В. Луначарского, придерживался старой орфографии. Новая не побеждала очень долго, а кое-где не признана и по сей день. Например, в США, в городке Джорданвилле светская печатная продукция Русской православной церкви выходит с ятем, фитой, і и с ижицей.

Новая орфография лишила нас многого и критиковать её очень легко. Например, основной задачей буквы **ять** было сохранение на письме различия слов с разным смыслом, но почти с одинаковой фонетикой: *хсть* (кушать) — *есть* (быть), *хли* (кушали) — *ели* (дерева), *вхсти* (новости) — *вести* (проводить) и т.д. Мир (отсутствие войны), *мір* (вселенная), *муро* (церковное масло), поэтому сейчас библейские жёны-мироносицы — носительницы масла — многими понимаются превратно. А введение приставки *бес* вместо *без* с негодной мотивировкой привело к появлению у критиков таких словосочетаний, как: *бес*, то есть чёрт (*бес-партийный*), *бес-человечный*, *бес-ценный*, *бес-культурный* и т.п. И я встречал издания, где это не проходит и печатают по-старому: *безкультурный*, *безценный*, *безчеловечный*, *безстрашный* и т.п. Согласимся, что читается не хуже, чем с «бесом»...

Почувствовав неладное после выхода в свет циркуляра № 5456 с новыми правилами от 17 мая, Мануйлов, видимо, решил подправить ситуацию и 22 июня выпустил **циркуляр № 6717** (т.е. за месяц министерство издало 1261 циркуляр!). В этом документе учебным округам с милым либерализмом тех времён предложено принять меры к осуществлению реформы русского правописания безотлагательно с «принятием к руководству нижеследующих оснований:

1. Реформа правописания проводится *постепенно* (здесь и ниже курсив документа), начиная с младшего отделения начальной школы; в этом отделении при обучении чтению уже обязательно применение нового правописания, причём учащие должны ознакомить детей и с исключёнными буквами (*h*, *i*, *f*, *v*), но лишь после прочного усвоения ими нового правописания, когда и где они найдут это удобным. В старшем отделении начальной школы, в высшем начальном училище и в среднем учебном заведении следует лишь рекомендовать учащимся переходить к новому правописанию.

2. Намеченная реформа должна быть осуществлена *целиком*, во всём её объёме и отнюдь не может осуществляться по частям <...>.

3. При проведении реформы необходимо избегать *насилия* над желаниями самих учащихся, почему не может быть допущено принудительное переучивание тех, кто уже усвоил правила прежнего правописания. <...> В каждом классе могут быть две группы (пишущих по старому и пишущих по новому правописанию), третьей группы не должно быть <...>.

4. В отношении лиц, держащих *вступительный* экзамен, ... а) для них остаются в силе лишь те требования правописания, которые являются общими и для прежнего, и для нового правописания, и ошибками являются лишь нарушения этих правил <...>.

5. При проведении нового правописания в жизнь школ в настоящем году придётся считаться с неизбежным обстоятельством, что букварей... не будет в распоряжении школы...

6. В целях выяснения смысла реформы и привлечения доверия общества, родителей и учащихся к проводимому министерством мероприятию... необходимо всемерно выяснять, что настоящее упрощение русского правописания отнюдь не стремится ввести произвольное фонетическое письмо, а, напротив, новая орфография является системой *научно-обоснованной*, которая, сохраняя все прежние основы нашего правописания, стремится лишь к установлению соответствия между написанием с одной стороны и звуковым составом и этимологическим строем живого литературного языка — с другой <...>.

7. <...> В уверенности, что преподаватели отнесутся с должным вниманием к настоящей реформе ... я прошу вас сделать зависящие распоряжения о принятии указанных

оснований к руководству при введении реформы русского правописания в жизнь школы с предстоящего учебного года.

Министр народного просвещения

(подписал) А. Мануйлов»

(именно без й! — В.Ч.)

А спустя 20 дней Александр Аполлонович вместе с другими министрами-кадетами подал в отставку. Он считал невозможной и бесперспективной деятельность правительства в условиях постоянной конфронтации с Советами рабочих, крестьянских и солдатских депутатов (известное двоевластие, которое в октябре 1917 года привело к лёгкой победе большевиков и левых эсэров).

Владимир Дмитриевич Набоков, сын министра юстиции и отец известного писателя, автора «Лолиты», «Дара» и других замечательных творений Владимира Набокова, свидетельствовал как очевидец и соратник об Александре Аполлоновиче в своих воспоминаниях «Временное правительство»: «Мануйлов как-то скорее других проникся безнадежностью в отношении деятельности Временного правительства вообще и чаще других говорил о необходимости ухода Временного правительства ввиду невозможных условий работы, создаваемых контролем и постоянной помехой со стороны Совета рабочих депутатов... По существу, он не был боевой натурой, борцом. Он и раньше главным методом борьбы избирал отставку. Среди других министров Мануйлов имел исключительно «дурную прессу» (курсив мой. — В.Ч.). На него нападали и справа, и слева: справа — за бездеятельность и апатию перед растущей революционной волной... Слева его обвиняли в бюрократизме, в сохранении канцелярской рутины, в призыве деятелей старого режима... Он не умел отбиваться и огрызаться и приходил в уныние и отчаяние. В сущности говоря, он, может быть, был вполне прав, признавая положение безнадежным. Но и в этом случае ему следовало действовать иначе: решительнее, я бы сказал — демонстративнее».

Отмечу, что это написано по горячим следам первым управляющим делами Временного правительства, погибшим в 1922 году в Берлине при покушении на главу партии кадетов бывшего министра иностранных дел П.Н. Милюкова, когда Владимир Дмитриевич попытался обезоружить террориста.

Октябрьскую революцию Мануйлов не принял и от греха подальше уехал без семьи на юг России, где был профессором Екатеринославского университета, а также преподавал в Тифлисе и в Ростове-на-Дону. Его «эмиграция» была недолгой. Взвесив все «за» и «против», он в 1918 году пишет письмо В.И. Ленину, в котором заявляет о желании сотрудничать с Советской властью. Получив разрешение, возвращается в Москву на преподавательскую работу в Московском университете. Как знатока вопроса и человека, именем которого названа была реформа, его привлекают к работе Комиссии по реформе правописания. Поскольку прежняя реформа пробуксовывала, члены комиссии сообразили, что постепенно и через органы народного просвещения провести в жизнь её не удастся. А посему созрел смелый план её реализации в явочном порядке через средства массовой информации, коими тогда были только газеты, журналы, брошюры, книги и другая печатная продукция. А если совсем коротко, то сделать это решили насильственно, реквизируя в типографиях отменённые реформой литеры.

Одним из первых в конце февраля 1918 года на новую орфографию был переведён правопреемник «Журнала Министерства народного просвещения» журнал Государственной комиссии по народному просвещению «Народное просвещение». Как написано на его титуле, это был «Социалистический орган, общественно-политический, педагогический и научный», а председателем редакционной коллегии значился П.И. Лебедев-Полянский.

Но примеру журнала последовали очень немногие. Довольно скоро стало ясно, что процессу этому следует придать какой-то новый, свежий импульс. И вот в «Известиях В.Ц.И.К.» № 223/487 выходит «Декрет о введении новой орфографии» от 10 октября 1918 года, подписанный А.В. Луначарским.

Заострим внимание: не ведомственный министерский циркуляр, а именно декрет —

директивный правительственный акт, постановление верховной власти. Его безапелляционный тон смягчается юмористическим смешением в нём старой и новой орфографии: «В целях облегчения широким массам усвоения русской грамоты и освобождения школы от непроизводительного труда при изучении правописания Совет Народных Комиссаров постановил:

Все правительственные издания, периодические (газеты и журналы) и неперiodические (научные труды, сборники и т. п.), все документы и бумаги должны печататься согласно при сём прилагаемому новому правописанию с 15-го октября 1918 года. <...>»

За этим кратким вступлением следует *Приложение* в 39 строчек: «Новые правила правописания, разработанные народным комиссариатом просвещения». Их содержание слово в слово, хотя и с небольшим усечением, повторяет текст мануйловского циркуляра от 17 мая 1917 года.

Можно не сомневаться, что готовил этот Декрет не член комиссии Александр Мануйлов, а кто-то «пореволюционнее» его, и не исключено, что сам нарком просвещения. В дальнейшем, забыв и о работавшей с 1904 года орфографической комиссии Академии наук под руководством великого князя Константина, и о Мануйлове, сие деяние стали называть Ленинским Декретом о русском правописании.

Итак, вот вам, деятели печати и типографий (почти все они были частниками), пять дней на перестройку и введение «революционной» орфографии. Но никто и бровью не повёл. И снова месяц за месяцем — саботаж.

Но с новой властью и её декретами шутки были плохи.

Заканчивался 1918 год. Террор (красный и белый) набирал силу. Разгоралась гражданская война, и вопросы орфографии были поручены революционным матросам, которые, начав со столиц, довольно быстро повыгребали из наборных касс всех типографий страны отменённые литеры и ссыпали их в переплавку.

Декрет от 10 октября 1918 года заработал, а про Мануйлова стали потихоньку забывать. Он же — профессиональный экономист — в роли консультанта Наркомфина участвовал в проведении денежной реформы 1922 года, а с 1924 года и до конца своих дней состоял членом правления Госбанка СССР.

А.А. Мануйлов был из дворянской семьи, а поэтому смог до университета окончить Ришельёвский лицей. Переехав в Москву, он работал в газете «Русские ведомости», а с 1885 года продолжил образование: два года слушал лекции в Берлинском и Гейдельбергском университетах. Затем в конце 90-х годов несколько месяцев в Англии и Ирландии изучал аграрное дело, после чего написал книгу «Аренда земли в Ирландии» и защитил её в 1895 году в качестве магистерской диссертации. Тогда же началась его деятельность в Московском университете с чтения лекций по новейшей истории и политэкономии. Блестящие способности и трудолюбие позволили ему без каких-либо протекций получить в 1901 году степень доктора за диссертацию «Понятие ценности по учению экономистов классической школы», с 1905 года — должность проректора, а с 1908 по 1911 год он избран ректором Московского университета. В 1906 году его кооптировали в Государственный совет от Академии наук и университетов.

В январе 1911 года Александр Аполлонович подал в отставку в знак протеста против действий полицейских властей, согласованных с министром просвещения Л.А. Кассо, по наведению порядка в Московском университете в связи со студенческими волнениями. Мануйлов, видимо, справедливо посчитал, что пост ректора в условиях, когда в университете распоряжается полиция, бесполезен. Его примеру последовало ещё около 130 профессоров и преподавателей.

В дальнейшем отставной ректор преподавал на Высших женских курсах, в народном университете им. А.Л. Шанявского, состоял членом редколлегии журнала «Вестник Европы». С 1914 года он — председатель Экономического совета Всероссийского Союза городов. Оппозиция предполагала дать ему пост министра просвещения в будущем правительстве.

Работу в должности министра он начал с энергичного циркуляра, адресованного попечителям учебных округов, призывавшего к скорейшему возобновлению занятий, прерванных в связи с падением царского самодержавия.

Умер А.А. Мануйлов 20 июля 1929 года.